

Валида Будакиду
Александрос
Бурджанадзе

**Пасынки отца
народов. Мне
спустит
шлюпку
капитан**

Квадрология. Книга вторая

Александрос Бурджанадзе

**Пасынки отца народов. Мне
спустит шлюпку капитан.
Квадрология. Книга вторая**

«Издательские решения»

Бурджанадзе А.

Пасынки отца народов. Мне спустит шлюпку капитан.
Квадрология. Книга вторая / А. Бурджанадзе — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-742499-2

Аделаида поняла, что весь мир вокруг — это чужие, «злобно настроенное быдло», у которых одна цель — выбиться «в люди». Они для этого идут по головам и делают всё. Поэтому Аделаида никому и не нужна, она этим людям только мешает, вот они и «стараются привить Аделаиде» всякие дурные наклонности. Разные глупости выдают за хорошее. А на самом деле хорошо то, что нравится маме, и только мама сможет воспитать в Аделаиде утончённый вкус...

ISBN 978-5-44-742499-2

© Бурджанадзе А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Пасынки отца народов. Мне
спустит шлюпку капитан
Квадрология. Книга вторая**

**Валида Будакиду
Александрос Бурджанадзе**

© Валида Будакиду, 2019

© Александрос Бурджанадзе, 2019

ISBN 978-5-4474-2499-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Часто один день в жизни ребёнка – это целая жизнь, целая вечность. Почти как на войне.

Большую Куклу посадили дома в коридоре глубоко на шкаф. Её почти и не было видно. Аделаида туда никак не смогла залезть, чтоб её достать. На просьбы Аделаиды «спустить Большую Куклу» мама неизменно отвечала: «Да! Делать нечего! Она столько пыли и паутины на себя собрала, теперь только сорить в квартире! Обойдётся! Вон сколько у тебя других кукол! И вообще – если у тебя есть лишнее время – вытри пыль, убери в квартире! Что ты за девочка, я прямо не знаю?!» Аделаиде было страшно грустно! Она хорошо помнила, что Большая Кукла никогда не оставляла её в беде. Она была с ней и после операции, когда ей вырывали гланды, и во дворе, когда тощая Мананка вцепилась Аделаиде в волосы, и они потом под улюлюканье всего двора дрались до первой крови, и там, в Большом Городе, около окон с выпуклыми решётками и толпой, одетой в чёрное... А теперь Аделаида её бросила. Мама говорила, что «она» давно «вышла из кукольного возраста» и должна «смотреть за ребёнком», то есть Сёмой, а «не дурака валять». Если залезть чуть выше в стенной шкаф на полку, Большую Куклу хорошо видно, и кажется, что она совсем живая. Просто сидит вся грязная на своей больной ноге и наблюдает сверху, что в доме происходит. А происходило многое!

Например, у Аделаиды не так давно выпали молочные зубы. Передние выросли вроде бы и не кривые, но со щёлкой посередине. Щёлка сначала была очень большая, а потом стала меньше. Внешний вид зубов не очень беспокоил родителей, но она стала шепелявить! Мама очень гордилась, когда Аделаида ходила в детский сад и на всяких праздниках «читала» стихи. Длинные такие, иногда даже совсем непонятные. А теперь вот она шепелявит. «Василий! У неё дефект речи!» – так говорила мама. Особенно это им страшно действовало на нервы и всякий раз, когда Аделаида, размахивая от переполнявших чувств руками, быстро-быстро что-то горячо рассказывала, мама и папа очень внимательно рассматривали её, словно каждый раз видели впервые, делали вид, что внимательно слушают, строго кивали, а потом, сделав удивлённые лица, говорили:

Ничего не поняли, потому что ничего не слышим! Ты же не разговариваешь, ты что-то мелешь. Руками не разговаривай! Говори медленно и чётко! Ну-ка, руки опусти вниз, вниз, вниз, вниз... не в карманы клади, просто вниз! Не клади руки в карманы! Они расширяются. О-о-о! И руками не шевели! Зачем руками разговариваешь?! Опустит, сказала, и говори всё снова! «Се-го-дня в шко-ле...» ну и так далее... Не «скола» надо говорить, а «шко-ла»... буква «ш», понимаешь?! Так, как ты говоришь, ничего не слышу! Как я сказала? Медленно и чётко!

Это было ужасно! Особенно, когда говорил папа:

– Нэ слышу! Ничэво нэ слышу! (Не слышу! Ничего не слышу!)

Повторять по второму, а иногда даже по третьему разу было смертельно тоскливо. И было очень обидно, потому что после каждого повторения пыла становилось всё меньше, а к третьему-четвёртому разу он вовсе пропадал. Рассказывать с вытянутыми по швам руками, как отдавая рапорт генералиссимусу, уже было противно. Терялся весь смысл речи, и было непонятно, зачем её вообще произносить, если тебе с самого начала сказали «нэ слышу», и действительно «нэ слышали»? Аделаиде уже после второго и третьего раза событие в школе вовсе не казалось таким интересным и значительным. Ну было и было чего-то там... Было и прошло... Чего суетиться-то? Мама и папа очень следили за проявлениями эмоций, требовали «рамочек приличий», призывали в чувствах к «сдержанности», контролировали «красоту и чистоту» произносимых слов, а так же требовали старательного прижимания кончика языка к сомкнутым передним зубам обеих челюстей:

– Сь-сь-се! – ты так разговариваешь! – говорил папа. – Шэпелавиш! Сь-сь-сь! Сматри, как нада гаварит: Ссабака съела сэна! Павтари! Павтари: с-сабака с-съела с-сэна! – папе так

нравилось чисто и красиво говорить! Так нравилось делать замечания! Так нравилось смотреть на себя со стороны и гордиться собой, как он так «красиво» разговаривает... Он так старательно прижимал кончик языка к передним зубам, что язык просачивался в дырочки между боковыми зубами.

А Сёмка наконец вырос и пошёл в школу. Вырос он как-то незаметно, всё же не особо обременяя Аделаиду уходом за ним. Мама считала, что на такую бестолковую дочь полагаться не стоит, поэтому смотрела за ним сама вместе с папой. Казалось, Семён живёт с родителями в своём параллельном мире. Потом родители смещаются по оси и попадают снова в мир Аделаиды. Их миры – Сёмкин и Аделаидин пересекались редко. Аделаида знала о младшем брате совсем немного. Например, что он «плохо ест». Что именно это означает, Аделаида не задумывалась. Она ела хорошо. Или вот мама часто восхищалась Семёным пением: «Как ребёнок хорошо поёт!» «Значит, наверное, поёт», – думала Аделаида. Говорили, что он – «очень красивый ребёнок!». Возможно. Это хорошо, что Сёма красивый... Ещё папа и мама радовались всему и восхищались всем, что Сёма делал. Они оберегали его от каждой мелочи, что могла ими считаться хотя бы просто неприятной. Но Сёма, тем не менее, иногда всё же врывается в мир Аделаиды. В её мире он портил всё подряд – ломал игрушки, рвал жатую бумагу, перемешивал краски, специально действовал на нервы, а потом, получив от неё, сам же и бежал жаловаться, размазывая сопли и слюни по лицу. Тут уже влетало Аделаиде:

– Не учи Сёму драться! – кричала мама, сама насовав Аделаиде килограмма два «мартышек». – Не учи! Для тебя же говорю! Тебя же жалею! Он вырастет – начнёт бить тебе морду и правильно сделает!

И тут же:

– Ты должна ему уступать! Он маленький!

Аделаида снова извинялась перед мамой, сама выбрасывала изорванные аппликации и клятвенно заверяла, что «больше ни-ког-да так не будет!». На этом, пожалуй, и все их родственные отношения с Семёй заканчивались на целых несколько дней. Только было ну очень обидно – что бы ни произошло, мама и папа никогда не слушали оправданий и не хотели ни разбираться, ни сделать Сёмке замечание. Винавата всегда и во всём была Аделаида. Снова – «Ти винавата!». Но ведь так же не бывает?! Как плохо быть старше в «семье». «Старшая в семье», – так Аделаиду называла мама.

Сёму сразу записали в ту самую школу, где училась Аделаида, и ему не пришлось ходить в уличный туалет за «Венерическим диспансером». Сёмкин класс назывался «нулевой». Сёмка каждый день, проходя мимо детского сада, всё надеялся, что его несколько раз сводили в школу, чтоб застрашать, дескать: будешь плохо себя вести – станешь ходить именно в школу, а сегодня мама с папой, может быть, раздобьются и вернут тебя в большую светлую комнату с пианино и накрытыми к завтраку столами на четыре человека каждый. Но через некоторое время, как только начал получать в тетрадках оценки, Семён вполне реально осознал: всё кончено! Детского садика больше не будет никогда, и школа теперь надолго! Правда, потом ему в классе даже понравилось. Оказалось, что несколько одноклассников живут в соседнем дворе. Он завёл новые, интересные знакомства, и они скрашивали ему серые школьные будни. Родители на него особо не давили, хотя с первых же дней очень мягко объяснили, каким надо быть, чтоб в доме было тихо. Сёмка учился, особо не напрягаясь, но всеми силами демонстрировал матери свою старательность. У него появилась манера хмурить брови и не отвечать на вопросы. Дома Семён стал неразговорчив и угрюм, подолгу сидел за уроками, выводя что-то в тетрадке, и перестал участвовать даже в редких играх с Аделаидой. Мама радостно повторяла, что Сёма «очень повзрослел» и прятала в губах горделивую улыбку. Если б Аделаида не видела, как он продолжал носиться на переменках с новыми друзьями, визжать так, что прохожие оборачивались, она бы тоже поверила, что Семён «стал совсем другой». Но он, к счастью, на самом

деле не был таким «другим». Он бегал по школе как быстроходный танк, сбивая на своём пути всё, что не успевало вовремя увернуться, бил стёкла и задирали девчонкам юбки.

В год, когда Сёма пошёл в школу, они оба попали во вторую смену, и уроки у них обоих начинались опять в два часа. С утра мама иногда их «выпускала» погулять во двор. Она так и говорила: Плохо сделаешь уроки – я тебя не выпущу во двор!

Мама всегда кого-то «выпускала», или «не выпускала». Если папа шёл в магазин, это называлось:

Я его послала в магазин.

В целом в папиной жизни слова, означающие действия, отсутствовали вообще, то есть на вопрос «где папа?», мама отвечала: На работе!

Или «я послала его на работу», или он уже «там» – то есть не «пошёл на работу», потому что тогда получается он пошёл вроде как «сам», а так уже просто – «на работе»! И всё!

Семён дома был «сдержан» и «серьёзен», зато, как только за ним закрывалась входная дверь, ветер свободы подхватывал его, и он бесследно исчезал даже во дворе. В полвторого на крыльце появлялась мама в кухонном фартуке и с мокрыми руками:

– Аделаида! Ты где? Давай сейчас же идите домой! Пора в школу! А где Сёмочка?

– Я не знаю... – она вправду часто не замечала, как Сёма убежал куда-то с мальчишками. Она могла сажать семена, или нарезать черенки, как это делал папа. Ей очень нравилось ковыряться в садике перед домом. Сёме же почти всегда было скучно. Он сперва стоял около неё, слушал, а потом незаметно исчезал.

Ну, иди ищи его сейчас же! – это мама произносила на вдохе. Когда мама говорит что-то на вдохе – значит она сильно «нервничает». Надо всё бросать, бежать и искать, иначе хуже будет.

Аделаида начинала свои поиски со двора, честно обшаривая кусты, подвалы, крыши гаражей; потом переходила в «садик». Так называлась небольшая лесополоса перед домом. Потом шла на стадион. Потом на «стройку». Все знали, что «стройка» – это не неопределённое понятие где-то там, в новых районах, «стройка» – именно недостроенные руины плавательного бассейна.

Задумка городских властей подарить обществу настоящий спорткомплекс была встречена жителями с большим энтузиазмом. Но спорткомплекс так и остался на бумаге по причине растраты городской казны, и завис бетонный каркас бассейна серым долгостроем. Туда бегали играть все, и даже дети из соседних дворов, и просто проходящие мимо любопытствующие. Там по торчащим из стен самой купели арматурам можно было, если несколько раз подтянуться, вполне залезть в саму ванну. Может, Сёма там? Но она туда ни за что не сможет попасть! Даже под прицелом автомата. Она несколько раз зовёт его по имени, стоя под бетонной стеной там, где глубоко. Тишина. Никто изнутри не передразнивает. Значит – в ванне действительно никого нет. Наконец, совершенно расстроившись от бесплодных поисков и своего бессилия, она возвращается домой. Сёма сидит за столом на кухне и с аппетитом жуёт большую котлету, макая её поминутно в соль. При виде Аделаиды он медленно в недоумении поворачивал голову. Взгляд Сёмы был чист и светел, в нём читается совершенно искреннее недоумение: «Чего это ты, сестра, так припозднилась? Я знал, что пора в школу, пришёл сам, а ты вот где-то ходишь... Вот уже и переодеться успел, и поесть, а тебя всё нет! Нельзя себя так распускать! Режим соблюдать надо! Видишь, как ты маму опять разнервировала?!»

На самом деле Сёмка действительно знал, когда надо возвращаться с прогулки. Как только Аделаиду отправляли его искать, он прятался между гаражами минуты на две-три, спокойно давая ей возможность уйти со двора подальше. Потом, как ни в чём не бывало, заскакивал на порог и с разгону выдыхал:

– Мамочка! Мне случайно в школу не пора?

– Что, мерзавка? – Мама изо всех сил старалась сдержаться. Но Сёмочка же сказал «разнервировала», значит, можно начинать...

Не разнервируешь меня перед работой – сдохнешь?! Садись, жри и убирайся в школу! Не забудь взять с собой яблоко на завтрак. Всё я за тебя должна помнить! Вместо того чтоб за ребёнком смотреть, за тобой самой глаз да глаз нужен! Куда ты ходила? Чтоб ты в следующий раз там провалилась, и сдохла, а-а-а-а, как ты меня мучаешь! Портфель собран?! Собра-а-ан, говорю?! – Голос мамы крепчал... Действо набирало обороты...

Портфель был давно собран. И ненавистное кислое яблоко давно лежало между книг...

Как только Сёма пошёл в школу, начались и другие насущные проблемы. Например, мама, видно, решив, что дочь её уже достаточно взрослая, стала понемногу раскрывать ей глаза на половые различия. То есть, мама стала как бы сперва осторожно, а потом всё глубже и глубже ей намекать, что она – «де-е-вочка», а Сёма – «маа-а-альчик». Аделаида и сама прекрасно это знала, она даже хотела маме сказать, что вообще-то это давно заметила. Но, как оказалось, что «дее-е-вочка» – «маа-а-альчик» – это вовсе не пустой звук! И эти понятия вовсе не равнозначные! Оказывается – то, что можно мальчику, для девочки иной раз такой позор, что предпочтительнее умереть! «Да-а-а! – так говорила мама. ■ – И такое, оказывается, бывает! Вести себя прилично надо, конечно, везде, но «осо-о-обенно в нашем городе, где нас все знают». Вот, если у Сёмы на улице какой-нибудь дядя спросит: «Как пройти ко Дворцу культуры?», Сёма очень культурно и вежливо должен ему ответить. А вот если у «Аделаии-и-иды» спросят: «Как пройти ко Дворцу Культуры?», она не то, что не должна останавливаться с каким-то незнакомым мужчиной, да ещё с ним стоять, да ещё разговаривать и руками показывать, чтоб её весь город видел! Она должна тут же, как можно быстрее перебежать на другую сторону, сразу же «кинуться» домой и тут всё рассказать отцу! Если отца дома нет, то маме. «И на всю жизнь ты должна запомнить и это лицо – раз! – строго выговаривала мама, – и это место – два! И обходить это место стороной – три!!!!»

Зачем и о чём говорить папе, Аделаида так и не поняла. Что папа должен был делать, тоже не поняла. То ли выбегать на улицу и показывать «мужчине», где же всё-таки Дом Культуры, то ли бить этого «мужчину», желающего во что бы то ни стало туда попасть, то ли... то ли вообще не понятно – если убивать, то за что?! Да и какая, в сущности, разница?! Папа-то всё равно никуда и не пойдёт, потому, что сам не знал, что с «мужчиной», почитателем известной всему миру культуры металлургов, делать! Но она чувствовала во всём этом что-то нехорошее, грязное, что касается именно того, что она – «дее-е-вочка». Мама рассказывала о каком-то тоскливом «целомудрии», которое есть у «каждой девушки» и которое надо «хранить». Хранимое «целомудрие» Аделаиде представлялось в виде больших скучных толстых девок в национальных костюмах с похожими на «целые» яблоки щеками. Мама говорила, как себя должна вести «порядочная девушка из хорошей семьи», совсем не так, как обо всём остальном. Она говорила очень проникновенно, вкладывая в свои слова всю душу. Рассказывала о «тернистом пути девушки» и о каком-то «цветке», который надо донести до далёкого «того» (то ли «единственного», то ли «таинственного»). Мама, несмотря на все свои старания, говорила настолько замысловато, сглаживая острые углы, уходя от прямых ответов, и делала такое торжественное лицо, что Аделаиде хотелось вытянуться перед ней в струночку и отдать честь, как в армии по телевизору на параде. Но она всё равно не понимала: зачем «таинственному тому самому» «мужчине» дарить цветы, и почему он их первым должен нюхать? А что будет, если их уже кто-то нюхнул?! Во-первых, как он об этом узнает, а во-вторых, чего у него, убудет, что ли?

– Дура ты, Аделаида! – кричала в таких случаях мама и громко швыряла на пол что-нибудь твёрдое.

Кроме «созревания», как говорила мама, связанного с цветами и садовыми проблемами, проблемой в целом стал и сам переход в четвёртый класс. Аделаида, расставшись в конце третьего класса с любимой Екатериной Семёновой, встретила очень много непонят-

ных вещей. Множество учителей и кабинетная система имели, конечно, как свои преимущества, так и свои недостатки. Достоинством было то, что весь класс на перемене проходил по коридору из одного крыла здания нередко совсем в другое, в зависимости от предмета. Это было целым путешествием, не хуже «Хождения за три моря» Афанасия Никитина! Одна Аделаида никогда не посмела бы бродить по школе: была целая куча недоброжелателей из других классов, и встреча с ними ничего прекрасного не сулила. Другое дело, когда идёшь в толпе одноклассников, практически защищённый со всех сторон, увлечённо болтаешь с кем-нибудь, а посему в глаза другим особо не бросаешься. Во время этих перемещений Аделаида открыла для себя совершенно неведомые доселе закоулки, подвал, чердак, новые лица и новый вид из окон. Из кабинетов ей особенно понравились кабинеты биологии и физики. Недостатком же кабинетной системы можно было считать, что теперь дефиле по коридору делалось тогда, когда надо, а не когда Аделаида была к этому морально готова, и всё равно больше приходилось бывать на виду у всех. А так как она к четвёртому классу ни капельки не похудела, даже наоборот поправилась, ей чаще приходилось слышать восторженные возгласы при её появлении. Казалось, многие весь урок ждут перемены, чтоб посмотреть на неё. И недостатком было ещё: если чего забыл в парте – больше ни за что не найдёшь!

Новые учителя были разными. Одни неопрятные, постоянно раздражённые, в помятых серых юбках с собранными назад «кукишами» жидких седых волос. Другие, например, учительница английского языка – подтянутые, с модной причёской и весёлые. Некоторые относились к ученикам с большой строгостью, были требовательны и непреклонны, но справедливы и добры. Даже существовала какая-то необъяснимая закономерность: чем серее платье было у учительницы и толще линзы её очков, тем она была неприступней и бесчеловечней, и это называлось почему-то «строже». Некоторым учителям было безразлично всё – и сам учебный процесс, и успехи учеников, и их промахи. Иные, казалось, только и ходят на работу для того, чтоб найти случай показать своё «эго» или выставить ученика на посмешище перед всем классом. Они получали настоящее физическое удовольствие, описанное очень давно Зигмундом Фрейдом, только от одного вида ученика, нетвёрдо стоящего у доски и теребящего полу короткого школьного пиджачка. Вызванный по школьному журналу на заклатание, он мямлил что-то, глядя в пол, нечленораздельное.

Что ты там бормочешь?! – искренне удивлялся педагог, заранее уверенный в поддержке масс. «Макаренко» радостно оглядывал класс, дескать, дети готовы? Сейчас будем смеяться! – Дома смотрел в книгу и видел фигу?!

И класс никогда не подводил! Никогда не отказывал в таком удовольствии своему учителю, даже если и не любил его. Но терять возможность посмеяться над тем, кто вчера точно так же ржал над тобой?! Промолчать?! С какой радости?! Ах, нет! Увольте! Я при каждом удобном случае, на каждую самую тупую шутку учителя отвечу взрывами бурного веселья, только чтоб отомстить за вчерашнее этому... который сейчас потеет у доски! Или за позавчерашнее. Или за позапозавчерашнее!

Процесс публичного «опускания» ученика, разбор его полётов, сопровождаемый язвительными комментариями, являлись одним из самых действенных методов воспитательного процесса подрастающего поколения... Брошенное «острое», в авторском понимании, слово вызывало восторг и веселье учеников. Особо громко и старательно смеялись те, кто сам буквально совсем недавно посетил угол класса и сам теребил руками фартучек или пиджачок. Он теперь с лихвой отыгрывался за свой «позор» на своём товарище, за «позор», которым так любили «клеить» воспитанные в «правильном духе» советские преподаватели! Конечно же, смех в классе был признанием и наградой носящему имя доброе учителя... Он чувствовал себя всемогущим! Это был самый элементарный метод завоевания популярности у учеников, кратчайший путь к авторитету. Вот они, тридцать три пары глаз напротив его очков. Весь урок они и их души полностью принадлежат только ему – учителю. Он сорок пять минут – акаде-

мический час – их царь и Бог! Они – напаханное поле. Царь по призванию, он ещё и главный агроном. И чего он лично сейчас захочет, то лично сейчас и посеет. Всё на выбор: захочет – отборную, селекционную пшеницу, не захочет – вонючую амброзию, от которой никакого урожая, у людей от неё одна аллергия, иногда со смертельным исходом. И нет никакой связи между отношением учителя и действительными способностями ученика. Есть только обратная зависимость между их характерами: чем больше ученик являет собой яркую индивидуальность и не желает быть со «связанными одной цепью» – тем больше раздражение и ненависть он вызывает в своём наставнике. Такого «хама» необходимо постоянно «ставить на место», указывать ему, кто он на самом деле. Тут применимы любые методы. Это можно сделать «публично критикуя» – выставить его на школьной «линейке» и по капельке, по косточке доказывать ему, что он не годен даже «чистильщиком общественных туалетов работать, потому, что не знает элементарных законов физики». Можно, указывая на недочёты, недостатки, просчёты, «сбивать спесь», «чистить», как говорила мама. Проще говоря – с таким «плохим учеником» надо постоянно «работать», не оставляя на «самотёк», не «упуская из виду» и «влиять, влиять и ещё раз влиять» всем обществом.

Да, учитель в классе – царь и Бог. Одним единственным словом, одним только жестом он может вызвать во взорах детей недоумение, интерес, радость, досаду, боль, обиду, гордость. Но есть одно особо приятное чувство у самого учителя. Его хоть раз в жизни, да желали бы ощутить все без исключения строители человеческих душ. Ощущение власти при виде расширенных от страха зрачков напротив – самое приятное, самое упоительное и самое захватывающее из всех, доводящее человека до дрожи оргазма! Внушение страха само по себе очень интересное занятие. Даже чувствам стороннего наблюдателя можно позавидовать, когда на его глазах вменяемый и довольно счастливый человек за доли секунды превращается в испуганное до смерти животное, в безумного зомби! Тем большее удовольствие – вселить этот страх и внимательно, с чувством полного удовлетворения наблюдать, как корчится жертва под инквизиторской пыткой. И ведь на это зрелище не нужно покупать билетов! Его можно вызывать в любой день, в любую секунду, наблюдать сколько угодно, хоть на каждом уроке, хоть по нескольку раз за день, не сходя со своего места и даже не меняя позы за учительским столом! У всех есть скелет в шкафу. Советский учитель – хороший психолог, выращенный и настоянный на идеях о высоких целях, не желающий знать цену ни своей, ни детской жизни. Зато он хорошо знает, за какой именно из створок скрывается обнажённое, не защищённое кровью и плотью зрелище. Он умело тычет в него указкой и оборачивается за аплодисментами к зрителям. Некоторые в классе, особо устойчивые из тридцати трёх, пытаются спрятать свой страх, дерзят, или просто ёрничают. Но таких мало. Опытный учитель всегда видит эти замечательно притягательные ростки ужаса на дне сетчатки. Он наслаждается этим зрелищем, купается в его свинцовых тучах, как наслаждается настоящий художник при виде шедевра, созданного его же собственными волшебными руками.

Если проверкой Сёмкиных успехов занималась только мама, то процесс тотального контроля за учебным процессом Аделаиды был разделён на две не совсем равнозначные фазы. Ответственность за первую принадлежала отцу. Аделаида училась в школе за два квартала, и поэтому на каждой перемене ловить её учителей, как в своё время учительницу «Марию Ивановну», не получалось, но папа, конечно, нашёл выход из, как он говорил, «сздавшегася палажения» (сздавшегося положения). По вторникам у папы был так называемый «командирский день», то есть – во всех школах Города по расписанию не было уроков физкультуры, и преподаватели собирались в спортзале стадиона на «летучку». Уже часам к одиннадцати утра они заканчивали «летучку» и целый день у них потом был свободен. Поэтому именно

по вторникам папа устраивал глубокие проверки – навещался к Аделаиде в школу и на правах коллеги, взявши классный журнал из ячейки в учительской, аккуратно выписывал из него текущие оценки за неделю, а так же долго, со всеми по одному, беседовал с учителями. Папа подробнейшим образом выспрашивал об её «упущениях», «отставаниях», «прабэлах» и поведении «на» и вне уроков. Потом со всей этой информационной добычей он радостный являлся домой и отсчитывался сидевшей с чугунным лицом маме. Потом они оба несколько минут молча сидели, как бы борясь с огромной «потерей» или страшным «горем» и принимая решение «как жить дальше?!».

Потом у мамы с губ слетал усталый то ли вздох, то ли стон: Аделаида... иди сюда...

Папа не всегда вспоминал, что у него какие-то срочные дела. Всё-таки было лучше, когда он оставался и бегал вокруг них с «башина вур!» (по голове не бей!)

Казалось, у мамы с папой больше нет в жизни никаких проблем, никаких дел, кроме Аделаидиной учёбы. Все разговоры начинались и сводились именно к ней. Аделаиде часто казалось, что маме с папой просто не о чем говорить, а тут их объединяет полное единодушие, полная идиллия – «вопрос Аделаидиных успехов».

Родители многих школьников даже затруднялись быстро ответить: в какой стороне города находится школа, которую посещают их отпрыски. Об успехах своих детей они узнавали раз в два месяца, на родительских собраниях. Но учителям в школе по убогости их существования в Городе требовалось ежедневное живое общение с «простым народом», их прямо-таки жгло желание донести до люда доброе, мудрое, вечное... И доносить им всегда было что. Хоть каждый день! Их прямо-таки распирали зуд ораторства! К учительскому великому сожалению, родители учеников – в основном рабочие одного из десяти огромных предприятий Города, не баловали своим частым присутствием образовательное «госучреждение» по причине и своей занятости, и, в общем-то, отсутствия нездорового интереса к общему образованию своих чад. За сим при появлении на территории школы подтянутой фигуры коллеги в синей «олимпийке», страстно жаждущие выявления затерянных истин учителя подтягивались к папе с ненасытностью ленинских ходяков. Они выстраивались в очередь, поминутно переглядываясь и уничтожая взглядом друг друга. Папа внимательно и серьёзно принимал и выслушивал всех, поминутно кивая и со всем соглашаясь, поддакивал. Выслушивал всех подряд, и преподававших Аделаиде и не преподававших. Которые «не преподававшие», обычно жаловались на её «поведение на переменах», хотя, казалось бы, что такого можно было сделать за пять минут и при этом успеть переместиться из одного кабинета в другой? «Преподававшие» жаловались и на «поведение», и на «пробелы», и на «невнимательность», и на «рассеянность» и вообще – ввиду отсутствия слушателей в лице других родителей, сливали ему обычно в одно ведро претензии на весь класс, а иногда и на всю школу. Они надевали на Аделаиду все платья со склада, что попадали под руку – и двадцатого размера для первоклашек и сорок восьмого – на десятиклассниц. «Кто-то разбил окно, хорошо – не она, но она же видела и промолчала!» «Обозвала „заикой“ Альберта Еланского! Если он её „задел“ первым, как она утверждает, то Аделаида могла элементарно созвать комсомольское собрание! На нём бы обсудили поведение Еланского, если он не прав – осудили бы его комсомольским судом. А то он ей, видите ли, „бочка“ сказал, а она ему тут же – „заика“! Разве она не знает, что это у мальчика большое место?! И вы понимаете, Василий Ильич, она же бьёт по самому больному!» Папа кивал: «Ми разберомся... Толко приду дамой и ми с жэной разберомся! (Только приду домой и мы с женой разберёмся!)»

– Ну, вы уж будьте любезны, сделайте со своей дочерью что-нибудь!..

– Да... да, канечна... Вот он дамой придот, ми поговорим и пасмотрим как исправит палажение. (Вот она домой придёт и мы посмотрим как исправить положение.)

– И объясните ей как-нибудь, что она – дее-евочка... она должна быть женственной, воспитанной, тем более с её весом! А она у вас какая-то... я даже не знаю, как сказать!

– Да... да... ми видим...

И не имело значения, что Еланского вообще надо было давно отправить или в колонию для несовершеннолетних, или вообще кастрировать, в данной ситуации он был «потерпевшим» только потому, что Аделаида была «де-е-евочкой», и «де-е-евочки» не имеют права так себя вести. «Ну хорошо, если так себя ведёт мальчик! Сорванец и всё! Но де-е-евочка... Ну, я прямо не знаю!»

Учителя жаждали справедливости! Отец аккуратно всё заносил в блокнот.

Но учителя тоже стервенели не от хорошей жизни. Чтобы в Городе выжить, нужно было иметь сноровку, тут и в школе одни проблемы! Учителя каждый день, час за часом отвоёвывали свою нишу в этой жизни.

Город маленький, и большинство жителей действительно хорошо знают друг друга. Школьные учителя находятся в состоянии хронической войны «за часы». «Часы» – это уроки, сорок пять минут урока и перемена. Окончить пединститут и получить пресловутые «часы» сразу, то есть устроиться на работу по специальности невозможно. Необходимо несколько лет проработать в школе сперва «старшей пионервожатой», бухгалтером или ещё кем-нибудь ответственным, а только потом, если кто-то из преподавательского состава заболит, или уйдёт на пенсию, получить заветные «часы». Часто преподаватели, достигшие степенного возраста, отказывались посвятить себя полностью пирожкам у домашней плиты, или уборкам квартиры – отказывались уходить на пенсию. Они продолжали осчастливливать присутствием сотрудников и учеников школы. Это становилось трагедией для стоящих в очереди молодых преподавателей. Они ненавидели старшее поколение и, скрипя зубами, продолжали быть хранителями ключа от Пионерских комнат и «месткома». Ещё в школах существовали «подмены». Если кто-то из учителей болел, а второго преподавателя не было просто по штату, то по большому знакомству директором приглашался учитель из другой школы. И так учителя бегали из одной школы в другую, подгоняя график под «окна», а «окна» под расписание. «Окном» называлась щель между их уроками. «Окна» бывают только у учителей. Однако, несмотря на все усилия и поползновения, заработать можно было не так уж много, потому что существовал «потолок», то есть – зарплата вместе с пенсией или подработками и заменами не должна была превышать определённую сумму. «Переработка» уже не оплачивалась.

В результате этих почти военных передислокаций учителя постоянно выясняли друг с другом отношения и строили козни и люто ненавидели друг друга. Аделаидины папа и мама вовсе не были исключением. Появление около учительской «уважаемого коллеги» в спортивной куртке было как красная тряпка для быка и являло собой прекрасную возможность хоть немного облегчиться в плане накопившихся обид. Можно было хоть как-то рассчитаться с «этими обоими» – Аделаидиными мамой и папой, которые не только занимали «прекрасные места» в школе, так ещё и были с «тяжёлым характером!»

В Городе, когда кого-то хотели назвать «хамом и недоумком», говорили, что у него «тяжёлый характер».

Нет! – успокаивали они Василия Ильича. – Всё, конечно, не настолько плохо, бывает и хуже, но ведь Аделаида – дочь учителей! Она же – ваша дочь! Она обязана быть примером для других! Вы понимаете – она же ва-аас позорит!

Канэшна! (конечно!) – с радостью соглашался отец. Он и сам знал, что его дочь должна быть «люче всэх!». Она и есть лучше всех и «никто в классэ эво нагтя нэ стоит!» (никто в классе её ногтя не стоит!). – Ничаво! Ми дома как нада иб с нэй пагаварым и он исправиця! (Ничего! Мы дома с ней как надо поговорим, и она исправится!)

Такие дни Аделаида называла «Чёрные вторники».

Отец возвращался домой раньше Аделаиды, и к её приходу рапорт генералиссимусу обычно был уже сдан. Стратегический план разрабатывался в ставке скрупулёзно и очень театриализовано. Прорабатывались самые мельчайшие детали.

Аделаида так никогда в жизни не забывала про «вторник». Если она могла когда-нибудь перепутать четверг с пятницей, или средой, то слово «вторник» представлялось ей в виде двух холодных железнодорожных рельсов где-то в степи без начала и конца, как в том Казахстане, про который рассказывала Зинаида Николаевна из детского сада. А вокруг бегали голодные волки с жёлтыми глазами...

По вторникам она шла домой всегда медленно, не по короткой дороге, мимо детского сада, а почти в обход. Но, иди, не иди, хоть через территорию завода в другом конце города, хоть вообще через Америку, а любой путь заканчивается на пороге родительского дома. Она медленно поднимается на пять ступенек вверх и осторожно толкает незапертую дверь... И так каждую неделку?, каждый «вторник». Однако все эти вторники, оказывается, были игрой в салочки, потому что самая настоящая, гигантская катастрофа произошла в начале второй четверти в четвёртом классе. Аделаида была уже совсем взрослая. Ей было полных девять лет.

«Кабинет» математики был самым бедным из всех и обставлен весьма скудно: чёрная доска, парты, стулья и похожий на бесформенный кусок льда мел – вот, пожалуй, и всё из аскетичных атрибутов владений «царицы наук». Аделаида не совсем чтобы не любила этот предмет, но предпочла бы урокам математики ботанику, или вообще пение. Учебный год выдался экспериментальным. Министерство образования СССР вообще были большими затейниками. То ли в нём кто-то лично «экспериментировал», то ли группа передовых преподавателей решила, что общее образование в школах надо интенсифицировать, то бишь – сделать «плотнее» и «обширнее», но русские школы перешли на «новую программу», а чтоб эта «новая программа» лучше внедрялась и усваивалась, чтоб наверстать упущенное, ввели сдвоенные уроки «русского языка» и «математики». К концу второго часа даже самые выносливые в классах чувствовали себя пропаренными в душной баньке и отхлёстанными по самым нежным местам дубовым веничком.

Сдвоенные уроки «русского языка» Аделаида ещё как-то выживала, несмотря на то, что вторым уроком должен был быть не «язык», а «литература». Пережить два часа «математики» оказалось гораздо сложнее. Она моментально уставала и уже у концу первого урока какие-то «а» в квадрате и «в» в кубе начинали отскакивать от её головы не хуже надувного мячика. На перемене уходить от класса далеко было нельзя потому, что перемена маленькая. Да вообще из-за парты вылезти не успеваешь. У Аделаиды отекали ноги, становились как подушечки и начинали давить туфли. Второй час вообще для неё проходил даром. Так получились блёклые, отрывистые знания, которые уже невозможно было самой слепить в единый ком. Аделаида вообще-то могла заниматься математикой, решать в своей тетради какие-то задачи и примеры, только когда она была одна, когда ей никто не мешал, не подгонял, не ругал за «медлительность». У доски она теперь терялась совершенно.

Аделаидин папа математику обожал, даже поступал на физмат, но потом его почему-то то ли отчислили, то ли сам ушёл. Когда Аделаида перешла в четвёртый класс, он вдруг с какого-то перепугу страшно загордился, что у его дочери, как он образно выразался, «матэматыческая галава» (математическая голова). Ещё папа был уверен, что «матэматыка» теперь «эво» любимый предмет. Если б мама ему разрешила, он бы сам лично расписал все стены в «детской» комнате математическими формулами и английскими буквами. И красиво и полезно. Однако, какое преступное заблуждение! «Математической головой» её нельзя было назвать не то, чтобы с большой натяжкой, а даже совсем наоборот! Благодаря своим стараниям и умению списывать, Аделаида могла решить задачи про «трубы» в «бассейне», куда втекает и вытекает «жидкость», или про «элеватор», в который засыпали «зерно» «советские колхозники» по самые «небалу́йся», чтоб надолго хватило, но не больше! На этом её неудержимая страсть к математике заканчивалась. Жить становилось всё сложнее и сложнее. Да ещё с её учительницей математики у папы вообще не заладилось... К его огромному разочарованию в класс попал не старый угрюмый преподаватель с подагрическим лицом, каким в папином понима-

нии обязан был быть «настоящы матэматык» (настоящий математик), а молодая, симпатичная учительница, да ещё и с вкусной фамилией Малина. Плюс ко всему, выяснилось, что она ещё и не замужем. Папа был оскорблён до глубины души, до самых нежных фибр! Раньше папа никак не мог представить себе, что «женщины» тоже умеют считать больше десяти, ну кроме его дочери, конечно, потому, что у «нэво матэматычская галава!». Он считал, что Малина недостойна даже брать в руки «Священную Книгу Математики», а тем более – преподавать этот предмет «дэтам» (детям). Ещё проще говоря – «он», в смысле она – Малина, его дочь «портыт!» (портит!). Во-вторых – как с такой «распуцени» (распущенной) фамилией «Малина» её вообще допустили в школу преподавать?! Это о чём дети должны смотреть на неё и думать вместо математики?! В этой ненависти к Малине смешалось всё – и папино совершенно определённое отношение к «жинщини», и его обида на «физ-мат», который ему так и не удалось окончить и ещё, видно, много-много чего, о чём Аделаида даже не могла себе вообразить.

Естественно, Малина чувствовала это презрение со стороны папы, однако, так и не поняв истоков, просто стала отвечать взаимностью не самому папе в спортивной «олимпийке», а кому попроще – Аделаиде. В тетрадке мгновенно появились «четвёрки», папа зверел от вида красной пасты в тетради, которой Малина исправляла ошибки. Красный в тетради по математике действовал на папу гораздо сильнее, чем на корриде такого же цвета тряпка на быка. Папа злился и ненавидел Малину всё больше и больше. Ругал «испорченную» Малиной дочь, делал Аделаиде разного рода «внушения», но как избавиться от этой «учитэлници» с ударением на букву «э», он не знал. Казалось, он готов был её утопить в Реке, или даже закопать её живьём под развалинами крепостной стены, которую в своё время, видимо, предвидя намерения папы, не разрушил Тамерлан.

Малина, скорее всего, была в курсе папиных фантазий о крепостной стене. Кольцо неудержимо сжималось. Причём на шее Аделаиды.

Как Аделаида ни вертелась ужом на сковородке, скрывая свои истинные «матэматыческие» «дары», всё же гром грянул неожиданно.

В тот роковой день Малина вошла в класс не одна. За ней с противопожарным выражением на неровной коже шла завуч по воспитательной части.

Завучем – заведующим учебной частью – в школе работала бывшая «старшая пионервожатая». Дама с педагогическим образованием, ещё не получившая заветные «часы», но уже поднявшаяся на ступеньку выше от начала своей карьеры пионерского лидера, Лиля Шалвовна была очень строгой старой девой и при беглом осмотре страшно напоминала недавно вылупившуюся из икринки камбалу. Незавидной внешности очень даже соответствовал весьма немзыкальный голос: какое-то производное от пилорамы в смеси с сиреной «скорой помощи». При этом Лилия Шалвовна обладала воистину неисчерпаемой энергией и гигантской силой внушения. Видно, природа, обделив её безумной красотой, дала в качестве компенсации другие достоинства – несгибаемый характер, поистине нордическую выносливость, страсть к победе Коммунизма во всём Мире, а так же громадные силы для построения «светлого будущего» тоже во всём Мире. Несмотря на папины гипнотические пассы по отношению к бывшей пионервожатой, а Ныне завуча, и еженедельные посещения школы, чтоб все вокруг видели, что «всо пад кантролам» (всё под контролем), Лилия Шалвовна считала совершенно в открытую, что именно Аделаиде, как физически неполноценному существу в этом «светлом будущем» и во всём Мире нет места! А может быть, она злилась на Аделаидину маму, что та не хочет с ней делиться «часами»... кто ж их разберёт, этих учителей...

– Так, собрали всё с парт и положили в портфель! – торжественно начала Малина. – Лазариди! – обернулась она в сторону Аделаиды. – Садись за первую парту! Вот сюда, вот сюда, на средний ряд! Будешь сидеть прямо передо мной...

И выдернули из тетради двойные листочки! – громогласно перебила её Лилия Шалвовна. – Сейчас будете писать «директорскую работу»! Если кто-то не готов к уроку – пусть

сразу поднимет руку и выйдет из класса!.. Эта работа пойдёт в Горсовет, потом в Учебный отдел, потом в Министерство Культуры ЭС-ЭС-ЭС-ЭР! – Лилия Шалвовна так и произнесла – торжественно и с расстановкой, как на правительственных похоронах, – «ЭС-ЭС-ЭС-ЭР!», причём Соединённые Штаты Америки она презрительно называла скороговоркой «сша».

– Пишите внимательно, потому что вас будут проверять, насколько вы пригодны к учёбе и строительству коммунизма в целом! – в голосе сталь, в лице отблеск пламени Мировой революции...

– Да, – пыталась вставить слово Малина, – совсем не надо волноваться, всё это мы уже не раз делали на уроке... Лазариди! Я тебе сказала, нет? Садись на первую парту в среднем ряду!

У Аделаиды вспотело под носом, и между лопатками зачесалась кожа. Она стала медленно собирать вещи в портфель. Сделать «не слышу» не вышло.

...и если Министерство решит, что кто-то не готов к четвёртому классу, – не обращая внимания на учительницу математики, продолжала соло на оглушительном тромбоне завуч, – его снова посадят в третий класс! Особенно это касается «отличников»! Горсовету интересно – за что вам пятёрки ставят?!

Министерству Образования СССР не нужны «липовые отличники!» А может, вы и «троек» не достойны?! Покажите, чему вас научили и на что вы способны! Я ещё раз предупреждаю всех: кто не уверен в себе, пусть лучше сразу признается! За честное признание – меньше наказание! Пусть прямо сейчас встанет и выйдет из класса! Лазариди! Вот и ты покажи: какая у тебя «матэма́тическая галава»! Может, мы её просто не замечаем?

По классу прокатился весёлый смешок и дети заулыбались. Все шумно вздохнули, у них отлегло от сердца. Раз учительница шутит, значит, всё не так страшно!

Аделаида поднялась с предпоследней парты, куда Бекаури ей по доброте душевной перекидывала шпаргалки с решениями, и вяло направилась к учительскому столу. Вот оно в чём дело! Надо показать свою «математическую голову»! А то кроме папы её, оказывается, никто не видит в упор! А работы пойдут в Горсовет... потом в Министерство... какой ужас! А может, папа ходил жаловаться на Малину в этот самый Горсовет и просил, чтоб её «сняли»?! А если я правда «не соответствую» и меня снова посадят обратно в третий класс?! Как это может быть?! И что будет дома?! – при этой мысли о доме Аделаида чуть не подняла руку, чтоб сказать, что она не готова и хочет выйти из класса. Ох, что бы тут началось!

С трудом взяв себя в руки, она стала подбирать с пола высыпавшиеся из портфеля тетрадки и книги. Только яблоко покатилося и убежало далеко-далеко, под вешалку с жакетами. Аделаида за ним не пошла. Зато пошёл Юрка Мазухин и засунул его себе в карман.

Малине наконец удалось перехватить инициативу у «рупора партии»:

– Ну, всё... всё-всё... Давайте заканчивать разговоры. Берите листики, и я начинаю писать на доске задание. Да сядешь ты когда-нибудь на место, Аделаида?! Сил уже нет с тобой возиться! То одно у тебя падает, то другое! Ты хочешь сорвать урок?! Так: первым заданием будет...

Лилия Шалвовна, гремя неимоверно квадратными каблуками на туфлях с гигантской железной пряжкой, прошла через весь класс и села за последнюю парту. Малина аккуратно взяла мел белоснежными пальчиками и начала каллиграфическим почерком выводить на доске:

Первый вариант – ряд со стороны окна, второй – по мою левую руку! Пишу, чтоб все видели... Лазариди! Повтори, и не делай потом вид, что спутала! Итак, ... В колхозный элеватор колхоза-ленинца «Путь Ильича» колхозники в июле засыпали 15000 тонн зерна. В августе – на двадцать тонн больше. Сколько тонн зерна засыпали в элеватор колхоза-ленинца «Путь Ильича» за два месяца передовики-колхозники?

Глава 2

Про «Директорскую работу» Аделаида не так чтобы забыла, а просто каждый день было очень много новых дел и переживаний, поэтому местечковый террористический акт Лилии Шалвовны то уходил на второй план, то снова интенсивно болтался в голове. Однако он вскоре стал чем-то вроде не пропадающего, но в то же время и не приковывающего к себе пристального внимания фона. Тут опять же под руку произошла довольно крупная неприятность. Не неприятность в буквальном смысле, а просто Аделаида в очередной раз простудилась. Для неё же это была неприятность. Родители за такие форс-мажоры, выбивающие из «колеи» учебного процесса, обычно очень ругали.

Нэ можэш хадыт, падаэш (не можешь ходить, падаешь), – нервно говорил отец, когда она в очередной раз старалась угнаться за компанией и, запутавшись в своих же ногах, вдруг падала, в кровь сдирая кожу с коленок, – сыды дома (сиди дома)! А, что? Не можэш хадит нагами – нэ хады (не можешь ходить ногами – не ходи)! Нэ умээш – нэ дэлай (не умеешь – не делай)! Завтра вазмёш и скажет «нага балит!» чтоб в школу нэ пайты (завтра возьмёшь и скажешь, что у тебя болит нога, чтоб в школу не пойти)! Думаэш, мы не панымаим (думаешь, мы не понимаем)?! – и он тщательно возил по кровотокающей дырке в колене йодом. Щипало и горело страшно. Но Аделаида, полностью осознавая свою вину, или «ошибку», как фигурально изъяснялся папа, прокусывая до крови кожу на костяшках пальцев, молчала... Да, прошли те времена, когда она ради папы даже была согласна показать врачу совершенно не болевшую ногу! Теперь она большая. Теперь она «подросток», почти «девушка», как говорила мама. Теперь за собой надо было следить.

Вышло, что эту картину оказания первой помощи наблюдали члены дворовой компании с Кощейкой, бледно маячившей на втором плане. Кощейка пряталась за спины, потому что боялась крови. Она всегда и всего боялась: крови, собак, брата. Только тут уж Кощейка не выдержала. Видно, вид Аделаидиной покусанной руки так восхитил её, что она, просунув кудрявую головку меж лохматых и коротко стриженных партайгеноссе, тоненьким голосочком восторженно прошептала:

Не плачет!

Партайгеноссе с удивлением повернулись на голос.

Кощейка! Ты дура! – лупоглазая Мананка крутила пальцем вокруг виска. – Она же жирная, ей же совсем не больно! И вообще, забыла? Я же уже говорила – у неё кровь чёрного цвета – значит, она никогда не похудеет! А ты зимой трусы на голове носишь! – Мананка вдруг заржала и показала Кощейке язык.

Хоть отец и обвинял Аделаиду в саботаже, в сознательных многочисленных падениях, поднятиях температуры, поносах и запорах, Аделаида никак не могла припомнить хоть один случай, когда бы она отказалась идти в школу даже с забинтованными обеими ногами. А было и такое! Это когда на одно колено она упала, а второе проколола гвоздём, когда лезла через забор. В глубине души она и любила и не любила болеть. Любила потому, что могла преспокойно лежать в кровати, её никто не трогал, не делал замечаний, не проверял уроков. Можно было читать, сколько хочешь, рассматривать в окно редких прохожих, что-то приятное вспоминать. Правда, смотреть телевизор больше часа в день и включать радиоприёмник, чтоб послушать музыку, всё равно не разрешали. С телевизором понятно: мама говорила, что экран портит глаза. Но почему нельзя включать радио? Неужели и оно влияет на слух?!

У Аделаиды, когда она была маленькая, собралась целая коллекция пластинок. Некоторые деда давным-давно из Большого Города привозил, некоторые родители покупали в «Книжном магазине». Сказки, конечно, были очень замечательные: «Золушка», «Кузнечик Чирк». Из «Трёх толстяков» была почему-то только вторая часть, а что было в первой, Аделаида

вообще не знала. Правда, она и не интересовалась и вообще её не любила. Её саму часто называли и «Толстячка» и вообще «Три толстяка». То ли дело «Кузнечик Чирк». На пластинке была совершенно замечательная музыка, и сказочник очень красиво и проникновенно рассказывал о маленьком кузнечике – скрипаче. Видимо, наслушавшись именно этой сказки, Сёма стал просить у мамы скрипку. Он просил очень долго и жалостливо. К тому же у Сёмы обнаружился прекрасный музыкальный слух. Чтоб Сёма не говорил «глупостей», его старались отвлечь: покупали всякие игрушки, например, тёмно-синюю алюминиевую пожарную машину. Сёма, опустив глаза, говорил «спасибо» застывшим в торжественном ожидании родителям, и снова, пытливо заглядывая им в лица, тихо спрашивал:

Мам, машина очень красивая, а скрипку? Когда ты мне купишь скрипку? Ты же один раз даже обещала... Я хочу играть, я хочу быть скрипачом...

Наконец, мама что-то подумав, с кем-то посоветовавшись, приняла решение отдать Сёму на музыку и купила ему... громадный немецкий аккордеон. Как она потом говорила, они с папой «выбросили» за него «уйму денег», потому, что «доставали» по большому знакомству и из очень глубокой «подпольи». Сёма весил раза в два меньше, чем этот тяжёлый пластмассовый гроб, но стал ходить в музыкальную школу. Чему он там учился, Аделаида так и не узнала, потому, что Сёма дома аккордеон так в руки ни разу и не взял.

Ещё Аделаиде очень нравились её пластинки со сказками потому, что если закрыть глаза, то можно было себе представить, как будто снова сидишь на диване вместе с дедой в той старой квартире, закутав ноги клетчатым пледом, и с нетерпением ждёшь: вот-вот из «Спидолы» раздастся знакомый, такой родной голос:

Здгавствуй, мой маленький дуг!

Дома, в квадратном радиоприёмнике, обитом снаружи бежевой тканью с вышивкой цвета самой ткани, внизу располагалась чёрная шкала с названием городов и золотой палочкой, которую можно было гонять при помощи крутящейся ручки из одного края шкалы в другой. Вверху открывалась толстая деревянная крышка, и клались пластинки. Они все были большими и чёрными и только посередине, где дырочка для надевания на специальный цилиндрок, были наклеены разноцветные круги с указанием фамилий композиторов, действующих лиц, и цена – 2 рубля 15 копеек. Их надо было включать на 33 оборота. Но на переключателе были ещё 78 и 45. Если включить пластинку вместо 33 оборотов на 78, то получалось так смешно, так смешно, и разговоры и песни звучали так быстро и пискляво, что они с Сёмой умирали от хохота! Потом, когда Аделаида немного подросла, одноклассники иногда стали ей одалживать пластинки с модными песнями. В самый-самый первый раз Аделаида решила сделать домочадцам сюрприз и заставила заработать на всю мощность слабенькие лёгкие «Аккорда».

Эт-то ещё что такой?! – Разъярённая мама стояла в дверях, и с её рук на пол капало жидкое тесто. – Аха! Эт-того ещё мне не хватало! Выключи сейчас же! И чтоб я больше этого не видела! Это ещё что за так называемая «музыка»? Ты что притащила? Кто тебе это дал?! И ещё так громко включила, как будто что-то хорошее делает! Да, Шаляпин, ну поёт!

С того дня для того, чтоб послушать песню, пришлось учиться урывать минуты мамино отсутствия, моменты, когда она выходила во двор, посидеть с соседками на лавочке. Параллельно появилась новая неразрешимая загадка: почему слушать музыку на пластинках со сказками можно, а просто музыку без сказок – нельзя? Или можно, но исключительно по праздникам, не больше десяти-пятнадцати минут и очень тихо? И никогда нельзя прослушивать понравившуюся песню два раза!

Папа же каждое утро перед школой постоянно включал бакинские радиостанции, завывавшие нечто до ужаса монотонно-невнятное на непонятном языке, в котором Аделаида не понимала ни слов, ни музыки! Может быть, папа считал, что слова песен на русском могут открыть «молодой дэвучке» (молодой девочке) нечто совершенно несуразное и постыдное? Или вдруг развратят его дочь, преждевременно возбудив в ней неприличный интерес к разнице

полов? А в возрасте Аделаиды интерес действительно начал пробивать свои зелёные росточки то у одной её одноклассницы, то у другой, то сразу у двух... Но Аделаиде пока хватало маминых рассказов про «цветы» и «букеты», которые какого чёрта надо «хранить».

Папа вообще вёл довольно странную, необъяснимую политику. Однажды они всей семьёй смотрели в кинотеатре фильм «Анна Каренина». Фильм был скучным и неинтересным, кроме самого конца, когда Анна бросается под поезд, и то не показали ни как она бросается, ни как лежит на рельсах, ни как приезжают «скорая помощь» и может быть милиция. Ага... поезд едет, она стоит, о чём-то своём думает... Так каждый дурак может «броситься под поезд»! Зато самым интересным оказался финал фильма, не на экране, а из-за папы. Папа долго и внимательно смотрел, полтора часа сидел в кинозале. Так внимательно он кино давно не смотрел. Потом, как только включили в зале свет, наклонившись к Аделаидиному уху, очень трогательным тоном произнёс:

– Вот видишь (вот видишь)! У нево (судя по сюжету – у Анны) нэт сваэво братыка (нет своего братика), поэтому он (Анна) лубит эту дядю (Надо полагать – Вронского)!

Аделаида смотрела на отца и хлопала глазами. Она знала, что папа немного странный, но не до такой же степени! Ей стало невообразимо грустно и в первый раз в жизни так дико, так страшно одиноко. Ей даже захотелось пожара Мировой революции вместе с Лилией Шалвовной. Там, в революции, она по крайней мере будет рядом с бойцами! Она опустила голову. Совершенно непонятный, лживый, эгоистичный взрослый мир! Вокруг одно враньё, и на экране, и в жизни, и везде! Папа, невесть к чему приплетающий «братыка», блестящий офицер, жаждущий приключений, полноватая дама с усами над верхней губой – какая-то знаменитая Инна Самойлова в роли с её неземной любовью к этому офицеру, и брошенный ради этой любви маленький белокурый мальчик в чулочках...

Словом: Аделаида всё больше и больше запутывалась в поведении взрослых. Когда она была маленькая, то думала, что взрослые большие и умные и поэтому всегда принимают правильные решения и всегда знают, что делают. Но, становясь старше, она всё больше и больше удивлялась способам выходов из ситуаций, которые находили взрослые, удивлялась их поведению. Оно не подчинялось ни правилам, ни логике, не имело вразумительных объяснений и довольно часто приводило самих же этих взрослых к ещё большим проблемам, которые они снова решали как-то странно, и так всё странней и странней. Аделаида прекрасно понимала, что хоть мама и говорит, что она «большая», но окончательно вырастет она тогда, когда постигнет эти тонкости взрослой жизни.

Несколько дней в году Аделаида поболеть всё-таки любила. Правда, у болезни были и свои недостатки, не только достоинства.

Например, когда поднималась температура, Аделаида становилась вялой и неразговорчивой. Очень внимательная мама тут же замечала изменения в повадках дочери.

А ну, иди сюда! – строго говорила она, как если б Аделаида действительно в чём-то провинилась. – Покажи лоб! – мама клала на лоб свои губы. – Василий! – тут же звала она. – У неё температура! – Мама говорила «у неё», словно вообще не замечая присутствия в комнате самой Аделаиды, как если б разговор шёл о столе, или брюкве на огороде. Мама зычно заявляла:

Василий! Ставь воду! У неё температура! Будем делать клизму!

Мама в своё время где-то прочла, что от температуры первое средство – «почистить желудок». Видно, этот метод облегчения страданий при простуде удивительно резонировал с маминими жизненными кредо. Именно поэтому столь незатейливый, но весьма уникальный метод на всю жизнь вьелся в мамино серое вещество, и считался ею панацеей от всех напастей. Правда, Аделаида не помнила, чтоб клизмили Сёмку даже с температурой, а не просто «для профилактики». Мама вообще каждый раз, тщательно смазывая наконечник вазелином и высовывая от усердия кончик языка, любила повторять, что в Англии все люди два раза в неделю делают себе клизму «просто так», потому что это «полезно!». С тех пор Аделаида

возненавидела Англию и чокнутых англичан, которые развлекались тем, что пихали друг другу два раза в неделю эти страшные наконечники, с блестящим в свете лампы вазелином. Вот и Аделаиду, как заправскую англичанку, лечили от всего именно клизмой. Зато это был целый семейный ритуал! Папа ставил чайник. Мама круто заваривала аптечную ромашку. Аделаиду долгие годы потом рвало от одного только вида и запаха этой самой безобидной аптечной травы. Мама всегда, когда делала что-то ответственное, входила в раж и очень торопилась. Может быть, она считала, что тем самым спасает жизнь? Ей некогда было дожидаться, чтоб жёлтая вода в литровой прозрачной банке остыла. Мама деловито процеживала настой через марлю, обжигаясь, выжимала её в эмалированную жёлтую кастрюльку и сливала вонючую жидкость в резиновый мешок. Под попу Аделаиде стелили холодную клеёнку. Клизма была голубая и огромная с отвратительным чёрным наконечником. Мама густо смазывала его вазелином и шла к кровати, как если б это был штурм Зимнего. Папа, торжественно выхаживая в шаг от неё, двумя руками прижимая к себе клизменный мешок. Шланг висел сам по себе.

Расслабься! – говорила мама. – Будешь сжимать попу – будет ещё больней!

Она наклонялась вперёд и приступала к спасению... Вот её холодные пальцы трогают полную булку, которая сверху. Наконечник царапает кожу, не попадая куда надо. Аделаида всеми силами старается расслабиться. Наконец, всё на месте и...

Мама что есть силы давит на резиновый клизменный мешок, шебурдит его. Аделаида через плечо смотрит на резиновый мешок. Воды вроде не убавилось, хоть папа с поднятыми руками стоит уже минут десять.

Мама снова наклоняется к попе.

Василий! – вдруг истерично кричит мама. – Открой вентиль! Открой вентиль, кому говорю! Вот здесь вот открой! Он же закрытый! Ты не видишь, что ничего не идёт! Вода не идёт! Открой вентиль! Ничего не идёт! Сейчас вообще всё мимо выльется!

Она суетится, дёргает шланг, заставляет отца поднимать мешок, что-то подкручивать. Он поднимает клизму выше, ёрзает, извивается всем телом и топчется на месте. Папа, когда волнуется, всегда топчется с одной ноги на другую. Он словно assisteрует не в мероприятии, которое проделывают англичане по несколько раз в неделю от нечего делать, а как минимум при обширной полостной операции с элементами пластики.

Вода в клизме жутко горячая. Она так и не остыла. Она течёт по попе, по ногам, мимо клеёнки в постель и страшно воняет палёной ромашкой...

– Мама! – Аделаида крутит ступнями. – Вода такая горячая!

– Какая горячая?! Я сама пальцем пробовала! Мне не горячая, тебе горячая?! Не напрягайся и не разговаривай, а то снова придётся делать! И так всё наружу вылилось!

Наконец, низ живота начинает страшно распирать, а всё тело болеть. Уже и температура не кажется такой мучительной. Зад обварен кипятком, пластмассовая палка расцарапала всё, куда попала.

– Хватит! Я больше не могу! Я хочу в туалет! – Аделаида начинает интенсивно дрыгать ногами.

– Всё, всё! Уже мало осталось! Всё, я сказала! Уже мало осталось! Терпи! От клизмы ещё никто не умер! Англичане два раза в неделю делают её просто так, для здоровья! Никто не умер, я сказала!

– Я умру первая?!

Наконец, вся мокрая, Аделаида на негнущихся ногах сползает с постели.

Куда?! – мама перехватывала её на полпути. – Походи немного по комнате, пусть раствор впитается, ну! А то ничего не выйдет! Только вода выльется! Походи, давай походи по квартире!

Она ходит, ходи и ей и кажется, что этому безумию не будет конца. Она уже ненавидит не только англичан, а почти всю Западную Европу.

Да, пожалуй, температура если даже и была, то скорее всего должна была непременно упасть. Но градусник ей так и не ставят. После клизмы её снова кладут в постель. Сейчас должен начаться второй, не менее важный этап лечения.

Теперь её одевают в толстую ночную пижаму, накрывают двумя-тремя одеялами и дают выпить горячий чай с малиной. Потом ещё один стакан, потом ещё один маленький стаканчик. Первый стакан идёт замечательно. Малинка вкусная, пахучая. Вторым уже с трудом. Хочется солёного огурца, а не чая. При виде третьего стакана у Аделаиды спазмирует пищевод, но всё равно надо его выпить. Этот метод называется «перепотевание». Смысл его, как подробно разъяснил папа, заключался в том, что микробы живут при определённой температуре, а если температуру повысить, то они «издохнут». Такого эффекта можно добиться, если, например, поместить заражённые хирургические инструменты в стерилизатор, или прокипятить шприц. «Микробы всё-всё-всё издохнут!». Оказывается, то же самое произойдёт, если они поселились в организме. Тогда организм надо нагреть, чем больше – тем лучше, и микробы тоже «всё-всё-всё издохнут!». Человек должен сильно «нагрэца» (нагреться), сильно вспотеть, потом человека переодевают, меняют мокрое постельное бельё, и он на следующий день выздоравливает!

После чая с малиной около Аделаиды один из родителей присаживался на стул и внимательно наблюдал: правильно ли она потеет? Из-под одеяла имели права торчать только нос и глаза. Их желательно было зажмуривать, чтоб не отвлекаться. Дурацкая пижама пот не впитывала. Он тёк по всему телу струйками, сливаясь в ручейки и речушки. Аделаида могла бы даже нарисовать их русла и причудливые бассейны, в которые они впадали. Всё тело противно липло, пот даже затекал в глаза, но смахнуть его не разрешалось. Это уже называлось «высунуть руку». А за «руку» вполне можно было схлопотать ещё одно одеяло.

Сердце колотилось как бешеное. Казалось – ещё мгновение – и оно разлетится на маленькие мокрые тряпочки. Голова раскалывается от боли... И даже не это самое страшное! Мучительней всего – ощущение страшной жажды. Язык сухой и шершавый, как будто кто-то подшутил и заменил его на ржавый рашпиль. Но пить нельзя! Вода испортит всё «лечение» и придётся чай и одеяло начинать заново. Аделаида лежит в полузабытье и остатками мыслей хочет понять: «Если я должна умереть, то может всё-таки лучше от микробов, чем так мучительно и медленно без воды?..»

Потом Аделаиду всё же переодевают, перестилают ей постель и приступают к третьему этапу лечения.

Надо выпить какую-то минералку с горячим молоком. Воду не удаётся выпросить ни глоточка даже тёплую из чайника:

Зачем вода? Это что, не вода? – мама в недоумении заглядывает в стакан с горячим молоком, где, тая, плавает кусок сливочного масла. – Ты же не будешь два стакана воды в желудок наливать? Молоко – то же самое, что и вода! Так у тебя разовьётся водянка головного мозга! Вместо воды съешь кусочек яблока и пить не будет хотеться! – мама про замену воды на яблоки, видимо, тоже читала в авторитетной «Семье и школе». Вообще маме и папе, видимо, казалось, что вода – плебейский напиток и употреблять его – признак дурного тона.

Вообще мама ну оо-о-очень любила лечить! В процессе мама неукооснительно проводила все рекомендуемые операции и внимательно наблюдала за проявляющимися эффектами. Иногда даже казалось, что она ставит ценный научный эксперимент. Она владела «Медицинской энциклопедией» выпуска 1947 года. Эта книга тоже была маминым приданым к замужеству и ценилась ею никак не меньше поваренной книги о «Вкусной и здоровой пище» под редакцией Анастаса Микояна. Методы лечения разных заболеваний, указанные в «Медицинской энциклопедии», очень широко применялись мамой. Все. Ну, или почти все, которые не требовали хирургического вмешательства. Они не требовали ни материальных, ни больших временных затрат. Именно в этой энциклопедии генетика называлась «лженаукой», а гонорею рекомендовалось лечить «ежедневными ванночками из этилового спирта».

«Интересно, – с тоской думала Аделаида, глотая горячее молоко с маслом и минералкой, – а те родители, у которых нет в доме „Медицинской энциклопедии“ и „Семьи и школы“, как лечат своих детей? Что делает Кошейкина мать-дворничиха? И если она не умеет лечить, почему Кошейка пока не умерла? И старший брат её тоже не умер? И не только не умер, а зимой целый день может без майки колоть дрова...»

Навещать Аделаиду во время болезни было строго запрещено. Кошейка пару раз, не обнаружив подругу во дворе, попыталась было к ней пробиться, но родители сказали, что Аделаида «адихает» (отдыхает) и проводили её с порога.

Сёма тоже никогда не входил в комнату, где лежала Аделаида. Возможно, его не пускали, чтоб он «не заразился». Да младший брат особо и не рвался, ни разу не спросив даже через стену, не болит ли у неё что-нибудь.

Из школы навещать не приходил никто и никогда. Это вообще в классе было не принято. Но это объяснялось просто дружеской поручкой, потому что, может, родители не в курсе, что их ребёнок не посещает школу неделями, а так явишься вроде как навесить одноклассника – «больного» и дома-то нет! Домашние телефоны только у четверых в классе. Это называлось «продать родителям».

Со школы все любили смяться. И даже совсем не потому, что не выучили урок, а просто так, типа, это было круто. Когда прогуливали уроки, то можно было остаться на территории школы – на чердаке, или в туалете, а можно было пойти в парк, или посадку. Но туда ходили только мальчики. Если прогуливаешь один урок, то лучше отсидеть в школе. Если больше – конечно, лучше в парк. Аделаида один раз тоже ушла с урока за компанию и, просидев с двумя одноклассницами в страшно вонючем туалете, в котором не было воды, чуть не потеряла обоняние на всю жизнь. Ей потом несколько дней не удавалось проветрить нос и, казалось, даже духи «Белая сирень» пахнут общественным туалетом.

То ли со страху, что лечение может продлиться бесконечно, то ли правы оказывались авторы методов, но Аделаида никогда не болела больше трёх дней. Как только спадала температура, она должна была садиться за уроки.

Давай, звони Паше Серede, или Рахлину и спроси, что задали! – мама после болезни становилась особенно строга, чтоб Аделаида не думала – раз уж она болела, то теперь уже расслабилась и всё ей можно. – Какие у тебя уроки? Сперва сделаешь за неделю, а в последнюю очередь на понедельник. Имей в виду – у тебя огромный пробел! Ты выбилась из колеи! Ты должна догнать и перегнать своих одноклассников.

Мама, не доверяя Аделаиде, сама садилась за телефон:

– Анна Васильевна! Здравствуйте, дорогая! Как ваши дела? Да, да, это я. А-а-а, мои тоже ничего, ничего. А в школе у вас как? Да? Недавно искали замену? А почему мне не позвонили? Нет, ну, вы же знаете, как я вас уважаю – я всегда рада вас заменить! Конечно, если мне надо будет – скажу! Я же знаю, какой вы сильный преподаватель! С вашими классами работать одно удовольствие! Обязательно! Обязательно! Анна Васильевна! Милая, а Пашенька дома? Да, моя дура опять где-то простудилась! А чёрт её знает! Может, воды холодной из крана выпила? Правды-то от неё не дождёшься! Что не скажет – то соврёт! Что не скажет – то соврёт! Пускать-то я её никуда не пускаю, она всё время у меня на глазах. Но по школе-то я не могу за ней ходить! Вот теперь опять надо навёрстывать упущенное! Представляете, чего мне это стоит? Но и на самотёк её пускать нельзя! Да, да, да... Конечно, конечно... Так дома Пашенька? Если вам не трудно, позовите его, пожалуйста, будьте добры, сделайте милость!..

Мама так умоляла Анну Васильевну позвать «Пашеньку» к телефону, как будто Пашенька ну как минимум высиживал цыплят и если он встанет, то весь выводок остынет и скончается прямо в яйцах!

Здравствуй, Пашенька! Здравствуй, милый! – мама прямо сочилась мёдом. – Как твои успехи? Да? Ну, молодец, молодец! Пашенька, ну-ка продиктуй-ка мне, что вам задавали по всем предметам, пока моей не было. Давай, давай, записываю!

Как же – замену тебе! Обойдёшься, не облезешь! После твоей замены полгода класс приводить в порядок надо! – неизменно фыркала мама, вешая трубку. – Аделаида! Иди сюда! Спасибо скажи, что у тебя мать есть! Так бы и пошла в школу с неприготовленными уроками! Ты сейчас должна много заниматься, чтоб войти в колею и восполнить все свои пробелы! А то все уйдут вперёд, а ты останешься за бортом! Давай, хватит шататься по квартире. Садись и начни делать уроки! Вот, по математике был новый материал. Ничего, давай делай всё остальное, а математику в последнюю очередь. Береговой потом позвоним – она решит.

«Берегова» преподавала математику, они с мамой были, как мама это называла, «приятельницами». Аделаида никогда в лицо эту самую «Берегову» не видела и в гостях не была. Знала только, что у «Береговой» есть дочь тоже в четвёртом классе, но в другой школе. Родители очень практиковали осчастливливание загадочной Береговой задачами из Аделаидинового учебника математики. Они довольно часто звонили ей, чтоб она «проверила», правильно ли их дочь решила задачу, просили объяснить Аделаиде по телефону тот или иной материал.

Если пробел сразу не восполнить, потом вообще не восполнится! – часто говорили мама и папа. – Ты останешься за бортом!

Аделаида уже с большим трудом старалась держаться в отличницах, а «математическая галава» (математическая голова) ей в этом совершенно не помогала. Подробные объяснения Малины на уроке для неё всё чаще и чаще становились пустым звуком. Несомненно, что даже если бы Берегова ей «рассказывала» по телефону, она бы всё равно ничего усвоила. Однако безотказная и с большим чувством ответственности «Берегова», заняв чем-то двух своих детей, часами «консультировала» Аделаиду, решала за неё задачи в любое время суток, в любой день недели, и в будни и в праздники. Видимо, мама и папа считали, что они оказывают ей честь, звоня по три раза за вечер, потому что они же звонят именно ей, не кому-нибудь другому! «Берегова» должна гордиться собой, что звонят именно ей и поэтому оправдывать высокое к ней доверие. А ведь в городе оч-ч-чень много учителей математики!

Вот и в этот раз во время реабилитационного периода после болезни Аделаида, стоя у окна, тоскливо рассматривала корпус недостроенного бассейна. Она с ужасом вспоминала последний школьный день, Лилию Шалвовну и «Директорскую» работу именно по математике. Ходить по квартире было можно, потому что создавалась видимость какой-то работы, какого-то движения, вроде как пыль вытираешь, или вещи прибираешь. Сидеть «без дела» было нельзя. «Без дела» – это было и рисовать, и вышивать, и клеить что-нибудь. «Без дела» было всё, кроме уроков и прибирания квартиры. Вспоминала Аделаида и про Горсовет, про Министерство Образования, куда должны были «пойти» их «директорские работы», и по спине её продолжали ползать струйки, как будто она снова «перепотевала» под одеялом и с малиновым вареньем в желудке...

Конечно, тогда в классе, когда Малина привела с собой эту Лилию Шалвовну, она испугалась страшно! Сперва её испугал сам вроде бы и знакомый «элеватор», который засыпают «зерном». Она представила себе человека, упавшего внутрь и засыпанного насмерть. Зерно лезло в уши, в рот, в нос и не давало дышать... И закричать он тоже не мог, потому что на грудь тоже давило. Он не мог даже сделать вдох... Так его и не спасли, и его засыпало...

Выполнив задание, она решила внимательно проверить – правильно ли сложила цифры. Нашла две ошибки. Стала вычислять снова. И снова нашла. Она поняла, что неправильно отнимает. Ещё раз прочитав задачу, она вдруг с ужасом обнаружила, что засыпали не «меньше зерна», а «больше», поэтому надо было не отнимать, а прибавлять! А потом ещё сложить всё вместе! Стала исправлять. Снова нашла ошибки... А человек всё лежал и лежал на дне эле-

ватора, засыпанный пшеном, и никто его не искал, потому что думали, что он пошёл в медпункт...

Дальше – прямо какая-то напасть!

Прямой угол – это понятно – в девяносто градусов! Однако Аделаида почему-то начертила его не по прямым клеточкам тетради, а по косой и угол получился страшно неровным, и казался вовсе не прямым, а острым, как если б в нём не хватало градусов! Она перемеряла транспортиром, линейкой – девяносто! Меряешь – ровный, то есть – прямой. А смотришь на листочке – кривой! Пока она снова складывала зерно и чертила угол – прозвенел звонок. Урок и «директорская работа» были окончены!

«Ну, всё, – Аделаида вжалась в парту, – ну, всё! Четвёрки не миновать! Ой, что дома будет! Тут за простые оценки ругают, за простую контрольную могут по стене размазать, а уж за „директорскую“! Ой, что будет!»

Именно поэтому в тот раз температура поднялась как нельзя кстати. Мысль о клизме перекрыла математические раскаяния, она вообще даже забыла рассказать дома про математику!

«А, ладно, тем лучше! Авось пронесёт! Папа приходит в школу по вторникам, а сегодня только четверг! Вдруг в школе за пять дней уже всё забудут?»

К понедельнику Аделаида выздоровела окончательно и, практически забыв об элеваторе с похороненным в нём передовым колхозником, пришла в класс.

– Боча! А ты после болезни ещё толще стала! – Пашка Середа явно оказывал ей знаки внимания, выражая свою радость по поводу её возвращения. – Ты, наверное, лежала, болела и всё время ела, ела, ела! Правда?

– Дурак! – спокойно ответила Аделаида и стала вытаскивать из портфеля учебники.

Первым уроком был русский язык. Всё прошло нормально. Упражнение она сделала, правило выучила. Следующий – математика – как гром начался с Лилии Шалвовны. Она размашистой походкой и с немислимими пряжками на туфлях вошла со звонком в класс вместе с Малиной:

Ну, вот! – торжественно объявила Лилия Шалвовна. – Каждый из вас показал своё лицо! Кто староста класса? Андрюша, ты? – обратилась она к хроническому отличнику Буйнову. – Раздай, пожалуйста, листочки!

Толстый Буйнов лениво поднялся из-за парты. Он был очень серьёзным и положительным. Поэтому всегда всё делал медленно и с чувством собственного достоинства.

Их в классе было двое отличников с первого класса: Аделаида Лазариди и Андрей Буйнов – оба очень умные и очень толстые. Однако, в отличие от Аделаиды, Буйнова никто никогда не дразнил. Его просто любовно называли «Жоржа» от слова «жирный». Он был авторитет.

Буйнов стал ходить между рядами:

Дроздов, Синельникова, Середа, Лазариди...

Вот он – двойной листик, подписанный её именем! Страшный, как граната с выдернутой чекой, как змея, что ли, ядовитая...

На первой странице всё перечёркнуто красным карандашом. Перевернуть лист Аделаида просто не могла. Она, зажав в двух пальцах страничку, делала вид, что внимательно рассматривает ошибки, но ничего не видела, потому что красная и синяя паста смешивались и расплзались, как если б на разноцветные чернила капнули водой. Сделав над собой невероятное усилие, она стала медленно-медленно заглядывать внутрь, так и не перевернув страницу.

Красного больше, чем синего... И здесь всё перечёркнуто... А в середине листа... огромная, на полстраницы... красная... двойка с двумя минусами...

Малина делала вид, что ищет что-то в своих записях, давая несколько минут на горячие обсуждения и выплёскивание эмоций. В классе царил хаос. Все вокруг, извертевшись на пупе, переглядывались, перекрикивались:

– Ты что получил? А ты что получила?

Даже Лиля Шалвовна не вмешивалась и дала отток детским эмоциям.

– Лазариди! А ты что получила? – Середа с насмешливой улыбкой повернулся в сторону Аделаиды.

Она, не в силах ответить, сложила большой палец внутрь ладони, молча показала ему четыре пальца.

Не ври!!! – Пашенька вдруг, вскочив с места, схватил её листок.

Дваа-а-а!!!! Банан!!! С двумя минусами-и-и!!!! Люди-и-и! Лазариди получила банан с двумя минусами по «директорской работе»!!! И ещё врёт и говорить не хочет! И ещё скрывает!!!! И это – наша отличница и дочь учителей!!! Ой! Я со смеху умру-у-у-у!!! А Олька – не дочь учителей и не отличница, а она получила «пять»!

Класс стоял на ушах! Вероятно, Сорочинская ярмарка выглядела так же! Кто-то от счастья мутузил своего соседа в живот, девчонки лупасились стопочками книг по голове. Откуда-то появились бумажные самолётики. Они летали по классу, стукались о стены и падали на пол. Им на смену взмывали новые. Лиля Шалвовна и Малина, стоя в углу около окна, ласково улыбались детям, понимая, что сейчас делать им замечания бесполезно.

Уроки для Аделаиды закончились невообразимо быстро. Так быстро они ещё вообще никогда не заканчивались. Пора было идти домой. Одна мысль не давала ей покоя:

«Откуда Середа мог заранее знать, что я получила? – Аделаида шла и носком туфли поддевала камни. Поднявшаяся пыль садилась ей на облезлые шнурки. – Он же не видел моего листка? Наверное, ему мама сказала! Значит – обо мне говорили в учительской, и теперь об этом знает вся школа! И Анна Васильевна – Пашенькина мама дома с Пашенькой смеялись над „дочерью учителей“, которая до этого дня была „лучше всех, как того требовала её мама“!..»

«Что же делать?! – мучительно думала Аделаида. Она шла очень, очень медленно, но расстояние до дома сокращалось с какой-то космической быстротой! – Хоть бы попасть под машину и потом в больницу! Или... или хоть бы снова и, желательно, смертельно заболеть!» Она даже не могла себе нарисовать картину, как придёт домой, как мама опять будет что-то делать на проходной кухне и, даже не взглянув на неё, прямо в дверях, словно пароль, спросит резким окриком:

– Что получила?

И она ответит:

– Два...

Мама, конечно сперва не поверит. Она подумает, что Аделаида получила «пять» и просто так шутит. Так иногда бывало. Аделаида говорила «два», но мама знала, что она «два» получить не может! Будет скандал. Да ведь её за гораздо меньшие провинности мать стегала, как шерсть для перины! Может, вообще не ходить домой, а пойти к маминой лучшей подруге – тётке Наде? Тётя Надя добрая. У неё нежное розовое лицо и совсем белые волосы. Не потому, что седые, а просто она – блондинка. Она живёт в малюсенькой однокомнатной квартире за три остановки от их дома. Ну, и что? Можно дойти пешком! Она Аделаиду любит! Когда они всей семьёй приходят к ней в гости, угощает её интересными конфетами в фантиках и болгарским повидлом. Тётю Надю все называют «москвичка». Аделаида раньше думала, что тётя Надя любит кататься на «Москвичах». Только потом она, когда немного подросла, узнала, что тётя Надя не родилась в их городе. Просто вышла замуж за дядю Сашу и приехала из Москвы к ним жить. У неё своих детей нет, поэтому мама говорит, что она сажает маленькие кактусы в аккуратные горшочки и разводит в широкой банке чайный гриб. А у мамы двое детей, поэтому нет времени для кактусов, потому, что она всё время занята воспитанием детей, которые требуют «уйму» внимания!

Может, правда, пойти к тётё Наде и рассказать ей, как она боится идти домой? Тётя Надя, скорее всего, поможет, она же такая добрая и, кажется, вся такая мягкая. У неё есть телефон. Можно просто пойти, рассказать о своём горе, попить на кухне чаю с московским сервелатом. А мама и папа бы в это время её искали и с ног сбились:

Только бы с Аделаидой ничего не случилось! – повторяли бы они. – Только бы она была жива! – И мама, может быть, плакала от жалости к Аделаиде. Вот тут-то тётя Надя им бы позвонила и, взяв с них честное слово, что они не будут Аделаиду ругать, сказала:

– Вы не волнуйтесь! Она жива и здорова! Просто у неё большие неприятности. Она не хотела вас расстраивать. Мы тут у меня на кухне разговариваем и чай пьём. Приезжайте через часик!

Возможно, мама, в ту же секунду успокоившись, сделала замечание:

– Надежда! Сколько раз тебе говорить: слова «тут» нет! Надо говорить «здесь»! А ты как эта: «Анюта!» – «Я тут!»

Зато всё закончилось бы хорошо.

С тётей Надей немного ненадёжно, потому, что её может не быть дома, тогда придётся возвращаться, и что потом говорить, почему со школы опоздала? Можно было сделать и по-другому. Как-то во дворе Кошейка рассказала, что одна девочка из их класса тоже получила двойку, но сказать об этом сестре не смогла. Сестра проверяла все её уроки и страшно была за плохие оценки. Зато ночью, когда та девочка заснула, стала прямо во сне говорить:

– Прости меня, Катерина! Я больше никогда не получу «двойку»! Прости, я больше не буду!

Катерина услышала это всё, встала, открыла дневник, а там и впрямь двойка! Но она так пожалела младшую сестру, что та даже во сне про «двойку» не забыла, что утром её даже не побила, а только поругала и предупредила:

– Ещё раз такое – изобью и запру на неделю в подвале! Будешь знать!

Аделаида подумала: «Не сделать ли мне вид, что я заснула, а потом начать бредить: „Мамочка! Прости меня за двойку!“»

Однако этот вариант отпал сам собой, потому, что до ночи было ещё ой как далеко, а, как только войдёшь в дом, что ответить на первый же вопрос:

– Что получила?

Тоненьким голоском:

– Ничегоо-о-..? – Но так же не получится!..

Поэтому, всё-таки решено было идти к тётё Наде.

Глава 3

В Городе автобусы ходили без кондуктора. Надо было на выходе опустить пяточок в специальную крутящуюся кассу около водителя.

«Можно пристроиться к какой-нибудь тётке, – подумала Аделаида, – и сделать вид, что это твоя мама. Потом просто соскочить с подножки и быстро-быстро улепётывать. Не будет же водитель за мной гнаться!»

Она подошла к остановке.

Автобус пришёл быстро. Аделаида под села к большой толстой женщине с авоськой, из которой торчали треугольные молочные пакеты и батон. На нужной остановке тётка осталась сидеть, и ей пришлось, спрятавшись за чью-то широкую спину, делать вид, что её там нет вообще.

Ур-р-ра! Получилось! – она, чтоб стать как можно незаметнее, повернулась боком и, втянув живот, пулей вылетела из автобуса. Вот и он – знакомый высокий дом без лифта! Аделаида, запыхавшаяся, но страшно довольная собой, поднялась на третий этаж.

Однажды, очень давно, когда они всей семьёй были у тёти Нади в гостях, папа на лестничной площадке уронил маленького Сёмку, и тот в своих голубых ползунках страшно долго катился по лестницам и бился головой. Потом Сёма долго неподвижно лежал в кровати с ледяной грелкой на лбу. Мама сидела возле него и держала за ручку. Аделаиде было очень жалко Сёму. Она совсем не могла смотреть, как он лежит неподвижно и смотрит только в потолок. Было обидно, что упала не она, потому, что она старше и ей было бы не так больно. А ещё тогда бы лежала в кровати она, и мама бы сидела рядом с ней и держала за ручку. После этого, сколько бы раз они ещё ни приходили к тётке Наде, Аделаида, когда видела этот двор с прогнившей деревянной качелью, сразу вспоминала светлые Сёмкины волосы ёжиком и свой истошный крик...

«Только бы тётя Надя не пошла в какой-нибудь гастроном или на почту! Только бы не пошла!» – повторяла про себя Аделаида.

Вот и знакомый пролёт с объявлением, написанным печатными буквами «Ира дура!». Звонок не как у них – на выпуклой пластмассовой штуковине чёрная пуговичка, а какой-то совсем маленький, незаметный и вмонтированный прямо в дверь и если не знаешь где он, то найти его вообще невозможно. И звук у него резкий и негостеприимный... За дверью послышались шаркающие, приглушённые шаги.

– Кто там? – ласковый голос прозвучал совсем рядом! Тётя Надя дома! Ур-р-ра Всё будет хорошо!

– Это я! Аделаида! – Аделаида положила ладонь на дверь, как бы собираясь её толкнуть, потому, что тётя Надя сейчас поймёт, кто пришёл, и с радостью отомкнёт все замки.

Дверь медленно приоткрылась на ширину цепочки. Из коридора пахло то ли булкой, то ли печеньем. В образовавшейся щели замаячил тётя Надин шёлковый халат с попугаями и тонкая сеточка на голове для причёски.

Ты?! – тётя Надя удивлённо подняла брови на розовом лице. – Ты пришла одна? Зачем? Что-нибудь случилось?!

Аделаида смешалась, не зная, как ответить. В первую секунду ей даже показалось, что тётя Надя не уверена, что это она, Аделаида, что она не хорошо её увидела, потому, что в подъезде темно, а то ж не могла же мамина близкая подруга на самом деле с ней разговаривать в дырочку! Так что теперь ответить? Надо же что-то говорить?! Например, сказать:

Да! Случилось! Только не с мамой, а со мной! Я получила «двойку» и боюсь идти домой, потому, что мама поругает!

Или просто наврать:

Шла мимо и решила зайти в гости!

Но Аделаида не может ходить мимо! Её дом совсем в другой стороне!

Тётя Надя! – она вдруг испугалась, что дверь сейчас перед её носом захлопнется, а она так и не успеет ничего сказать, начала запинаясь скороговоркой сбивчиво объяснять:

Тётя Надя, понимаете... я не специально, это случайно вышло... я получила «двойку» и боюсь идти домой! – резко попытожила Аделаиду.

Тётя Надя молча, с удивлением рассматривала неказистую фигурку, словно увидела её впервые. Она думала мучительно долго, придерживая рукой толстую дверную цепь.

Я всё поняла... И-и чем тебе могу помочь я? – наконец недоуменно произнесла она. – Я-то с какого боку?

Не знаю... – Аделаида опустили голову. Она действительно не знала, а тётя Надя с какого же боку, правда? Это с чего ж она решила, что тётя Надя должна ей помогать?

Раз не знаешь ты – кто ж должен знать? И я не знаю! Твои родители представляют, где ты? Нет? Ах! Так ты ещё и без спросу ушла? Разве тебе не говорили, что нельзя гулять одной по городу так далеко от дома?! Мало ли что может произойти! Сейчас же отправляйся обратно! Они, наверное, за тебя волнуются!

Дверь с многочисленными запорами захлопнулась перед носом Аделаиды...

Вот ещё! – услышала она, как тётя Надя говорила кому-то в квартире. – Пусти такую в дом, а потом всю жизнь с её матерью хлопот не оберёшься! Во всех смертных грехах обвинит!

Аделаида почему-то снова вспомнила, как они всей семьёй были в гостях у тёти Нади. Вспомнила, как тётя Надя улыбалась, угощала её на кухне конфетами в блестящих московских фантиках, и заплакала...

Снова сесть на автобус без денег Аделаида не решилась и пошла домой пешком. Пошёл дождь, и было так горько, так грустно... Аделаида всё поняла! Поняла, что деда действительно не придёт больше никогда! И зря она оглядывалась на каждый проехавший мимо голубой «Запорожец». Она поняла и теперь даже не сомневалась, что этот день станет одним из самых ужасных в её жизни!

Мокрая, с грязными потоками воды улица. По ней куда-то бегут люди. На Аделаиду никто не обращает внимания. У взрослых свои взрослые заботы. День кончается, им ещё многое надо успеть. Их так много, они так спешат! Сутулые, некрасивые дяди в тёмных пиджаках и спортивных штанах навывпуск. Они, засунув руки в карманы, неуклюже перепрыгивают через лужи, как если б у них болели ноги. Они и бегут за автобусом, делая вид, что и не бегут вовсе, а только вслед ему передвигаются. Им бежать стыдно, потому, что тот, кто бежит – суетится, а суетиться в Городе было всё равно, что терять достоинство. Уважающие себя люди должны вести себя торжественно и степенно. Поэтому они бегут за автобусом на совершенно негнущихся ногах, как на ходулях, прижимая локти к карманам пиджака. У тётей в руках сумки и сетки, и у них дома тепло и сухо. Аделаида всматривается в жёлтый свет зажжённых окон, и ей кажется, что она видит всё, что происходит там, за тонкими стёклами в дорожках дождевых капель...

Наверное, там с кухни в гостиную и обратно носятся и кричат дети. Они или уже сделали уроки, или вовсе их не будут делать. Как Кощейка говорит: «Подожди меня пять минут во дворе! Я сейчас на „троечку“ прочту разочек и приду». Вся квартира воняет жжённым постным маслом, потому, что мама им жарит пирожки с картошкой и дверь из кухни в комнаты они не закрывают. Там же на кухне сидят папа с соседом, о чем-то разговаривают, пьют пиво и курят. Никто никому не делает замечаний. У них всё время громко работает телевизор, и его никто не смотрит и не выключает. Ни папа, ни мама, а может, у них ещё есть и бабушка с дедушкой, и они не говорят детям, чтоб они не кричали и не бегали. За соседом пришла жена в байковом халате и тоже присела с ними около газовой плиты с дымящимися пирожками. Всем вместе уютно и хорошо.

Как часто Аделаида завидовала Кощейке, что её мама работает дворничихой! Она могла с обеда до ужина вообще не убирать со стола, просто накрыть всё тарелками и не боялась мух, которые переносят «микробов» на «своих грязных лапах». И это так здорово! Можно в любую минуту отрезать хлеба, помазать его маслом и есть, кроша на пол кусочки, прямо перед телевизором в гостиной. Ну, и что? Крошки потом Кощейка подметает сама, зато и ешь и мультики смотришь! Их ведь только два раза в неделю показывают, и почему-то всегда во время ужина!

У Аделаиды в семье ели исключительно в столовой, которой называли проходной застеклённый балкон. Когда готовилась еда, двери в квартиру закрывались, чтоб не пахло. Когда ели – тоже.

– Уже два часа, – мама внимательно смотрела на круглые стенные часы, – пора обедать. Давай, Аделаида, накрывай на стол!

– Я пока не голодная! Я кушать не хочу! – Аделаиде вовсе не лень было «накрывать на стол», и есть ей правда не хотелось...

Разве я тебя спросила, что ты хочешь? – в лице мамы неподдельный интерес. – Плевать я хотела на то, что ты хочешь, потому, что ты всю жизнь только или что-то «хочешь» или «не хочешь», всё потому, что только о себе думаешь! Кроме тебя, в доме ещё люди есть! Не огрызнёшься – сдохнешь! В нормальных интеллигентных семьях люди все вместе садятся за стол, обедают, ужинают, разговаривают друг с другом, рассказывают новости. Они не жрут одни, как ты, и когда попало! У них в семье приняты часы приёма пищи!

«Да-да, – думала Аделаида, – хотелось бы рассказать тебе новости! Ты будешь „вникать“ и может даже соглашаться. Но ты и всё поймёшь совсем не так, как на самом деле, и потом ещё и сто лет припоминать будешь: „А-а! Так ты же сама мне говорила!!!“»

Прежде чем нести из буфета тарелки, надо стереть со стола пыль. За этим мама следит особенно тщательно и всегда после тряпки ещё проводит по клеёнке ладонью. Аделаида расставляет тарелки, нарезает хлеб. Мама говорит, что это – «обычные женские обязанности». Почему ни папа, ни Сёма на стол не «накрывают»? Даже если оба не заняты ничем. Вообще ничего не делают, а просто сидят. Они приходят, когда на столе уже всё лежит, когда всё готово, и садятся. Берут нарезанный хлеб и придвигают к себе тарелки с супом. Заглядывают внутрь. Почему они не накрывают? Они же тоже едят! Мама к обеду всегда достаёт из холодильника сливочное масло и сыр. Сливочное масло и сыр надо же «подавать» на завтрак!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.